

Н. А. Алексеенко

Булла патриарха Николая Мистика из Херсона

Печати деятелей византийской церкви среди обширного сфрагистического материала, происходящего с территории древнего городища Херсонеса, явление достаточно редкое. Несомненно, особый интерес среди них вызывают буллы константинопольских патриархов. На сегодняшний день таковых известно всего четыре экземпляра. Три из них изданы [1, с. 1; 2, с. 25–29; 3, с. 210, № 40], еще одна происходит из остатков комплекса архивных документов, не так давно найденного в северо-восточном районе Херсонеса [4, р. 8414].

Самой ранней является печать патриарха Иоанна VII Грамматика (837–843) [3, с. 210]. Далее следует печать патриарха Михаила II Куркуаса (1143–1146) [1, с. 1]. И самая младшая из известных сегодня патриарших булл, найденных в Херсоне, относится к XIII столетию. Она принадлежала Мануилу II, руководившему византийской церковью в 1244–1254 гг. при никейском императоре Иоанне III Ватаце [2, с. 25–29].

Как видим, печати глав православной церкви относятся к различным периодам истории византийского Херсона. И, очевидно, нет необходимости сомневаться в том, что их отправка в город была связана с определенными историческими событиями, имевшими большое значение для судеб государства и церкви в Причерноморском регионе. К сожалению, сегодня мы зачастую не можем уверенно сказать, кому и по какому поводу была отправлена высочайшая церковная корреспонденция. Печати на этот счет безмолвствуют, а в письменных источниках таких сообщений сохранилось ничтожно малое количество. Таким образом, появление каждого нового памятника, проливающего свет на темные страницы византийской истории, приобретает первостепенное значение для исследователей. К разряду именно таких источников, бесспорно, относится и очередная патриаршая моливдовул из Херсонеса.

Новая находка знакомит нас с еще одним из высших иерархов византийской церкви имя, которого ранее не встречалось среди херсонских памятников сфрагистики.

Рис. 1. Печать патриарха Николая I Мистика. X в.

П
у
б
л
и
к
а
ц
и
и

Печать оттиснута на достаточно крупном диске слегка неправильной формы диаметром около 39 мм. Диаметр поля матрицы 35 мм. Толщина пластинки 2 мм. Сохранность удовлетворительная. К сожалению, моливдовул имеет существенные утраты металла по ходу канала для продевания шнура, повлекшие за собой потери части изображения на

лицевой стороне и надписи на оборотной. Тем не менее, сфрагистический тип и сохранившийся текст надписи на реверсе печати позволяют ее четко атрибутировать.

На лицевой стороне печати (рис. 1) представлено изображение сидящей на престоле Богородицы, держащей младенца Иисуса Христа на левой руке. Sigla [MHP – ΘV] по сторонам изображения практически не сохранилась. По кругу остатки надписи:

[+VΠEPAΓΓAΘEOTOKEP]O[H]ΘEΙ X

Μήτηρ Θεοῦ Ὑπερυμία Θεοτόκε βοήθει

На оборотной стороне печати пятистрочная надпись:

+NI[KOΛ]AΩ

APXH[EΠ]ICKO

ΠΩK[O]NCTAN

[T]I[NO]ΠOΛEWCT

[NEAC]PΩMHCT

Νικολάω ἀρχιεπισκόπῳ Κωνσταντινουπόλεως Νέας Ῥώμης.

«Божия Матерь, Пресвятая Богородица помоги Николаю, архиепископу Константинополя и Нового Рима».

Шрифт четкий, уверенный, размер литер 3 мм.

На обеих сторонах изображение заключено в точечный ободок.

Изображение Богородицы как в византийской нумизматике, так и в сфрагистике является одним из самых популярных. Достаточно часто Святая Дева изображается сидящей на престоле. Вместе с тем тип, представленный на нашем моливдовуле, который определяется как изображение Богородицы Одигитрии [5, S. 35–56], на памятниках сфрагистики встречается достаточно редко [6, p. 50, Pl. 9, no 57; 7, p. 12–13, nos 10b–c]. Хотя подобное изображение Богородицы представлено на фресках некоторых византийских храмов X–XII вв. [8, p. 566, Pls. 9, 11; 9, p. 58, 64, Pl. 5; 10, p. 30, Pl. 7].

Среди константинопольских патриархов известно несколько носивших имя Николай [11, с. 102]. Учитывая сфрагистический тип, особенности начертания надписи и отсутствие титула «вселенский», который появился на печатях патриархов не ранее середины XI столетия [12, с. 61; 6/1, p. 14–15, nos 16–17], нашу находку следует отнести к памятникам X–первой половины XI вв.

Для этого периода известно два патриарха с именем Николай: Николай I Мистик, дважды занимавший патриаршую кафедру (901–907 и 912–925 гг.) и Николай II Хрисоверг (982–995 гг.).

В свое время развернулась оживленная дискуссия среди исследователей относительно атрибуции и датировки патриарших моливдовулов с именем патриарха Николая [13, p. 698–699; 14, no 34; 12, с. 59–60; 15, с. 121, доп. 18–19; 16, с. 223; 17, p. 480–481; 18, p. 7, no 17; 19, p. 154–181; 6/1, p. 11, no 12; 6/2, p. 378, no 1546; 7, p. 12–13]. В последнее время данный тип печати общепризнанно считается принадлежащим патриарху Николаю Мистику [20, p. 56–57]. Несмотря на существенные повреждения поля нашей печати, думаем, что новая находка не только позволяет причислить ее к моливдовулам Николая I, но и в известной мере проливает свет на один из основных вопросов дискуссии — о положении изображенной Богородицы. Здесь мы присоединяемся к мнению Н. П. Лихачева, Г. Закося и И. Колтсида-Макри, считавших, что Богородица изображена сидящей на троне. На нашем экземпляре слева четко видна правая ножка трона, выполненная в виде двух расположенных рядом трубок, представлявших собой соединенные в одну линию шары. Заметим, что наличие части трона на афинской печати также отмечала в своей работе греческая исследовательница И. Колтсида-Макри [20, p. 56]. Кроме того, на наш взгляд, положение рук

и характерные особенности в передаче драпировки одеяния Богоматери, вне всякого сомнения, свидетельствуют именно о сидящей фигуре. Следует отметить, что изображение Богоматери на херсонской находке во многих деталях совпадает с афинским. Не исключено, что они оттиснуты одним и тем же штампом. Однако обратная сторона принадлежит другой матрице. На нашей печати иное расположение литер в строках и в конце надписи отсутствует слово ΑΜΗΝ. Херсонская булла, очевидно, полностью соответствует экземпляру из коллекции Г. Закоса, который относится издателем ко второму патриархату Николая I Мистика в 912–925 гг. [7, р. 12, по 10b]. В пользу этой датировки свидетельствует близость печатей данного типа моливдовулам патриархов Игнатия и Фотия, на которых использовался аналогичный шрифт со специфическим начертанием отдельных литер [21, р. 60–61, pos. 52–53]. В свое время эта параллель позволила греческой исследовательнице И. Колтсида-Макри вслед за Г. Закосом прийти к заключению о датировке моливдовула из афинского собрания концом первой четверти X века [20, р. 57].

Таким образом, на сегодняшний день мы имеем несколько печатей патриарха Николая Мистика. По крайней мере две из них принадлежат его второму патриархату, к которому, надо полагать, относится и херсонская булла.

Для истории Херсона находки моливдовулов подобного рода, вне всякого сомнения, имеют исключительное значение. По ним мы можем судить, в первую очередь, о значимости города для центральной администрации империи и его участии в важных политических событиях в жизни византийского государства.

К сожалению, определить причину отправки, а также адресата корреспонденции, к которой был прикреплен тот или иной моливдовул, как правило, не представляется возможным. В большинстве случаев мы вынуждены погрузиться в область догадок и предположений. Но даже здесь не всегда находят веские аргументы в пользу выдвигаемой гипотезы. Это положение в какой-то мере иллюстрирует и рассматриваемый нами моливдовул. Хотя, как кажется, в нашем случае имеются некоторые свидетельства, все же позволяющие прийти к определенным заключениям.

Вне всякого сомнения, византийская церковь не могла быть в стороне от политических миссий государства, осуществлявшихся на северных границах империи. И послания патриархов, скорее всего, адресованные представителям администрации Херсона, каким-либо образом могли быть связаны с этими акциями центральной администрации.

Однако далеко не всегда возможно отыскать подходящий случай и связать его с конкретным памятником. Не составляют исключения в этом смысле и буллы патриархов.

Например, если на время правления патриарха Иоанна VII Грамматика выпадает, пожалуй, одно из важнейших событий для византийской Таврики IX в., создание здесь военно-административного округа — фемы [22, с. 312–323; 23, р. 214–222], в котором, видимо, можно было бы видеть один из поводов появления в Херсоне высочайшей церковной корреспонденции, то в правление патриарха Николая I Мистика события подобного ранга найти нелегко.

Но, с другой стороны, обострение внешнеполитической обстановки в Таврике в первой четверти X в., угроза утраты христианских территорий византийского пограничья очерчивают свой круг причин, которые могли вызвать определенные действия со стороны константинопольского патриархата. Напомним, что в одном из своих писем (помечено мартом 919 г.), адресованном, по всей видимости, главе херсонской администрации, патриарх дает распоряжения об организации миссии в Хазарию с целью обращения хазар в православие [24, р. 176, по 680; 25, р. 314, по 68]. Исследователи видят в патриаршем адресате хорошо известного стратига Иоанна Вогу (Вогаса) или же кого-то из его приемников [25, р. 555; 26, S. 323–324; 27, с. 35]. Патрикий Иоанн Вога, неоднократно упоминаемый хронистами [28, S. 387–390, 722, 879–882; 29, р. 201–205; 30, S. 464–465], известен не только как глава провинциальной администрации Херсона, но как один из представителей византийских дипломатических кругов, ревностно отстаивавший интересы империи на ее северных рубежах. И, безусловно, велик соблазн связать нашу находку с этими посланиями Николая Мистика в Херсон. В этом случае

мы имели бы прекрасный пример абсолютно точно датированного моливдовула. В пользу такого предположения в какой-то мере свидетельствует датировка херсонской буллы вторым периодом патриархата Николая Мистика в 912–925 гг. Однако не исключено, что высочайший церковный документ, к которому был прикреплен наш моливдовул, адресовался кому-либо из херсонских архиереев. Сохранилось еще одно письмо патриарха, повествующее о необходимости тщательного подбора кандидатуры на пост хазарского епископа, направленное в Херсон в то же самое время (до начала 920 г.) непосредственно главе херсонской епархии [25, по 106, р. 388–390, 554]. Следует отметить, что недавно стала известна печать, некогда принадлежавшая местному архиепископу Дамиану, которая как раз таки датируется первой третью X в. [31, с. 124–125]. Вполне вероятно, что именно этого архиерея упоминает в своих письмах патриарх Николай Мистик. Учитывая достаточно высокое положение херсонской епархии в ряду автокефальных архиепископий (18-е и 21-е из общего числа 50–60, упоминаемых в нотициях) [32, р. 273, 293, 345, 351–352, 377], очевидна высокая значимость ее епископов для патриархата. Н. М. Богданова отмечает, что роль херсонского владыки была достаточно значительной, особенно в решении церковных дел [33, с. 155–158]. В этой связи наша печать может являться свидетельством существования определенных контактов верховного владыки со своим ставленником в Херсоне, которого он уполномочивал оправиться с миссией и подготовить достойного клирика на пост хазарского епископа.

Согласно свидетельствам источников, Херсон в этот период является своеобразным центром влияния Византии на народы, соседствующие с ней с севера. Появление в Херсоне высочайшей церковной корреспонденции, очевидно, в первую очередь необходимо связывать именно с развитием хазаро-византийских отношений в первой четверти X века. И участие представителей херсонских властей в дипломатических и церковных миссиях Византии, надо полагать, было отнюдь не случайным. Постоянно находясь в тесных контактах с окружающим варварским миром, власти Херсона были глазами и ушами империи и, видимо, их знание обстановки и тонкостей местной политики порой не только могло предопределять ход дипломатических отношений между сторонами, но и способствовало укреплению имперских позиций в Северном Причерноморье.

Тем не менее, невзирая на то, кому и по какому поводу было адресовано то или иное послание главы византийской церкви, печати константинопольских патриархов демонстрируют нам неизменный интерес высшего византийского духовенства к Таврике и непосредственно к Херсону в самые различные периоды его истории. Это лишний раз доказывает его значение не только как стратегического пункта и торгово-ремесленного центра, но и как оплота византийского миссионерства, распространявшего идеи православия на соседние варварские народы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Юргевич В. Н.* Две печати, найденные в византийском Херсонесе//ЗООИД. — 1886. — Т. 14.
2. *Алексеевко Н. А.* Патриарший моливдовул из Херсонеса//АДСВ. — 1990. — Т. 25.
3. *Соколова И. В.* Византийские печати VI–первой половины IX в. из Херсонеса //ВВ. — 1991. — Т. 52.
4. *Alekséenko N.* Уникальная находка группы византийских печатей из Херсона //BYZANTIUM Identity, Image, Influence. XIX International Congress of Byzantine Studies. Abstracts of Communications. — Copenhagen, 1996.
5. *Seibt W.* Die Darstellung der Theotokos auf byzantinischen Bleisiegeln, besonders im 11. Jahrhundert//SBS. — 1987. — Vol. 1.
- 6/1. *Laurent V.* Le Corpus des sceaux de l'empire byzantin. — Paris, 1963. — Vol. 5.1.
- 6/2. *Laurent V.* Le Corpus des sceaux de l'empire byzantin. — Paris, 1965. — Vol. 5.2.
7. *Zacos G.* Byzantine Lead Seals. Vol. II. — Berne, 1984.
8. *Hadermann-Misguisb L.* Kurbinovo. — Brussels, 1975.
9. *Pelekaniidis St.* Μελέτες παλαιохριστιανικής και βυζαντινής αρχαιολογίας. — Thessalonica, 1977. □

10. *Chatzidakis M.* Καστορία. — Athens, 1984.
11. *Лебедев А. П.* Очерки внутренней истории византийско-восточной церкви в IX, X и X вв. — СПб., 1998.
12. *Лухачев Н. П.* Печати патриархов константинопольских//ТМНО. — 1899. — Т. 2.
13. *Schlumberger G.* Sigillographie de l'empire byzantin. — Paris, 1884.
14. *Schlumberger G.* Sceaux byzantins inédits. Mélanges d'archéologie byzantine//REG. — 1891. — Vol. 4.
15. *Лухачев Н. П.* Историческое значение итало-греческой иконописи. — СПб., 1911.
16. *Лухачев Н. П.* Датированные византийские печати//ИРАИМК. — 1924. — Т. III.
17. *Licháčev N.* Sceaux de l'empereur Léon III l'Isaurien//Byzantion. — 1936. — Vol. 11.
18. *Κωνσταντινούπολος Κ. Μ.* Βυζαντινά κηρομολύβδουλλα τῶν ἐν Ἀθήναις Ἐθνικοῦ Νομισματικοῦ Μουσείου. — ἐν Ἀθήναις, 1917.
19. *Galavaris G. P.* The Representation of the Virgin on a Thokos on Seals of the Constantini-politan Patriarchs//Δελτίον Χριστ. Αρχαιολογικόν, 1960–1961. — Vol. IV/2.
20. *Koltsida-Makre I.* Overstruck lead seals: an approach to the problem with tree examples //SBS. — 1990. — Vol. 2.
21. *Oikonomides N.* A Collection of Dated Byzantine Lead Seals. — Washington, 1986.
22. *Цукерман К.* К вопросу о ранней истории Херсона//БИАС. — Симферополь, 1997. — Т. 1.
23. *Zuckerman C.* Short notes. Two notes on the early history of the thema of Cherson //Byzantine and modern Greek studies. — 1997. — Vol. 21.
24. *Les Regéstes des Actes du Patriarcat de Constantinople/Par V. Grumel.* — Paris, 1932–1947. — V. 2.
25. *Nicholas I,* patriarch of Constantinople. Letters. Ed. R. J. H. Jenkins, L. G. Westerink. — Washington, 1973.
26. *Dieter L.* Struktur und Gessellschaft des Chazaren//Reiches im Licht der schriftlichm Quellen. — Münster, 1982.
27. *Богданова Н. М.* Церковь Херсона в X–XV вв.//Византия. Средиземноморье. Славянский мир. — Москва, 1991.
28. *Theorbanus Continuatus.* Chronographie. Ex. Rec. I. Bekkeri. — Bonnae, 1838.
29. *Joarmis Scylitzae Synopsis Historiarum / Ed. I. Thum//CFHB.* — 1973. — Vol. 5.
30. *Joannis Zonarae Epitomae historiarum libri XVIII.* — Bonnae, 1897. — Т. III (50).
31. *Смычков К. Д.* Печати церковных иерархов из Херсона//АДСВ. — 1999. — Т. 30.
32. *Darrouzès J.* Notitiae episcopatuum ecclesiae Constantinopolitanae. — Paris, 1981.
33. *Богданова Н. М.* Херсон X–XV вв. по данным Notitiae episcopatuum//Количественные методы в изучении истории стран Востока. — Москва, 1986.

Summary

N. Alekseenko. Bulla of Patriarch Nikolay the Mystic from Kherson

The new find tells us about one more High Hierarch of Byzantine Church whose name could not be found before on Kherson sphragistics antiques. The seal is printed on the quite big disk of slightly irregular shape, ca. 39 mm in diameter. The matrix margin is 35 mm in diameter. The plate is 2 mm thick. The state of preservation is satisfactory. Unfortunately, the molivdovul has considerable losses of metal but it can be exactly attributed because of the sphragistic type and extant text of inscription on the reverse of the seal. As of today we have several seals of Patriarch Nikolay the Mystic. At least two of them belong to his second patriarchate period as well as, evidently, the Kherson bulla.

